

Она, опираясь на руку Цин Лань, в сопровождении лекаря Вана, с тем самым подносом каштановых пирожных и наложницей Ци, которую от страха пришлось буквально волочить по земле, направилась напрямик во дворец Янсинь.

Юнчжэн как раз занимался разбором донесений. Услышав, что Ань Линжун, тяжело ступая с округлившимся животом, пожаловала к нему, да еще и в компании наложницы Ци, он поспешно поднялся навстречу. Увидев бледное лицо Ань Линжун, в глубине глаз которой застыл испуг, а затем выслушав подробный доклад лекаря Вана о том, что в каштановых пирожных был обнаружен сок олеандра, предназначенный для умерщвления наследника, и взглянув на почерневшие после проверки серебряной иглой лакомства, император пришел в ярость.

Он бросил на расprostертую на полу наложницу Ци ледяной взгляд и рявкнул:

— Подлая тварь! Как ты посмела посягнуть на жизнь моего ребенка?! На банкете Пионов едва не оборвалась жизнь одного наследника, а ты вознамерилась погубить саму кровь дракона! Видимо, ты совсем забыла, что значит ценить собственную жизнь!

Наложница Ци зашлась в душераздирающем плаче, многократно ударяясь лбом о пол:

— Ваше Величество, помилуйте! Я ни в чем не виновата! Это... это кто-то подсказал мне так поступить! Не было у меня такого умысла!

— Кто подсказал?! — гневно потребовал ответа Юнчжэн.

Наложница Ци уже было хотела выкрикнуть имя Императрицы, но, вспомнив о Хунъюе, проглотила эти слова, подавившись горечью.

— Никто мне не подсказывал, это я сама, снедаемая ненавистью... Молю вас, Ваше Величество, не гневайтесь на Хунъюя. — С этими словами она проронила слезу, которая скатилась по её щеке.

Юнчжэн холодно приказал:

— Отвести наложницу Ци во дворец Чанчунь и держать под строжайшей охраной. Без моего указа не смей даже шагу ступить за порог! Я разберусь с ней позже.

Стражники тут же подскочили к ней и уволокли прочь потерявшую рассудок женщину. Однако никто не предполагал, что на этом всё не закончится.

Когда наложницу Ци привели во дворец Чанчунь, она все еще не могла прийти в себя от ужаса. Под покровом ночи к ней тайком пробралась Цзянь Цю. Взглянув на наложницу Ци, служанка произнесла безжалостные слова:

— Госпожа Ци, вы совершили такой позорный поступок. С такой матерью Третьему принцу в этой жизни уже никогда не видать светлого будущего.

Наложницу Ци затрясло. Она вцепилась в руку Цзянь Цю и в панике запричитала:

— Что же мне делать? Я не могу погубить Третьего принца! Он — вся моя жизнь!

Голос Цзянь Цю, словно легкий ветерок, отозвался эхом в стенах дворца Чанчунь:

— А что тут еще сделаешь? Быть может, если вы искупите вину смертью, Император не станет гневаться на Третьего принца. Императрица тоже обещала, что возьмет его под свое крыло и обеспечит ему блестящее будущее. Ваше же присутствие в этом мире лишь обречет его на вечные страдания.

Эти слова окончательно сломили последнюю линию обороны наложницы Ци. Единственным смыслом её жизни был Третий принц. Ради спасения сына она была готова на всё. В ту же ночь наложница Ци повесилась в своих покоях, оставив предсмертное письмо, написанное кровью, с единственной мольбой — пощадить Третьего принца.

Когда весть достигла дворца Янсинь, Юнчжэн долго молчал, глядя на письмо. Он не был настолько глуп, чтобы ничего не понимать: выкидыш у Пин Цзи на банкете Пионов произошел внезапно, и во всем этом чувствовалась тень Императрицы. Теперь отравление, устроенное наложницей Ци — перед этим Цзянь Цю постоянно шныряла во дворец Чанчунь, а сразу после — наложница Ци совершает самоубийство, не оставив улик... Все эти звенья одной цепи вели к той, что обитала во дворце Цзинжэнь.

Недовольство и настороженность императора по отношению к Императрице достигли своего пика. У него уже возникло желание лишить её титула, но он был связан обещаниями, данными Вдовствующей императрице и памяти Чуньюань, поэтому не мог вот так просто низложить И Сю.

Во дворце Цзинжэнь Императрица, услышав о смерти наложницы Ци, довольно усмехнулась. Наложница Ци мертва, и вместе с ней в могилу ушли все её грехи — теперь никто не сможет указать на неё. Но самое главное: теперь, когда наложницы Ци не стало, Третий принц Хуньюй остался без защиты, а как хозяйка дворца, она имела полное право взять на себя воспитание старшего наследника. Если она добьется опекуновства над ним, то Третий принц станет законным наследником, и даже если Ань Линжун родит сына, та не сможет пошатнуть её положение.

Она тут же отправила Цзянь Цю во дворец Шоукан к Вдовствующей императрице просить дозволения взять Третьего принца на воспитание, обещая, что не подведет ожиданий Императора и её Величества. Она была уверена, что Вдовствующая императрица поможет ей в этом деле. Но она никак не ожидала, что все её долгие расчеты обернутся полным крахом.

На следующий день после утреннего доклада Юнчжэн при всех объявил свой указ: Третий принц Хуньюй отныне находится под присмотром назначенных наставников и нянек в Палате принцев, расходы на его содержание берет на себя Внутреннее ведомство, а обучение грамоте и военному искусству будут проводить ученые мужи из Императорской академии — все дела принца он берет под личный контроль. Императрице разрешалось лишь раз в месяц проверять

его успехи, без права на личные встречи или вмешательство в воспитание. Нарушивших указ ждет наказание за вмешательство в государственные дела.

Услышав указ, Императрица осознала, что все её надежды рухнули. Она в неверии шептала:

— Невозможно... Как Император мог так поступить со мной?! Третий принц должен был стать моим воспитанником!

Она заикнулась на этом, забыв о том, что Третий принц был недалек умом, и если бы у Императора был иной выбор, он никогда не передал бы ему трон.

Прошло три месяца с момента самоубийства наложницы Ци и краха планов Императрицы, наступило начало лета. Срок беременности Ань Линжун подошел к концу, живот был огромным, и она уже с трудом передвигалась. Юнчжэн, жалея её и помня, что в глубоком дворце у неё нет родных, которые могли бы её поддержать, даровал ей особую милость — разрешил её родной матери, госпоже Линь, войти во дворец, чтобы быть рядом во время родов.

В тот день, когда пришел указ, госпожу Линь доставили во дворец люди из Внутреннего ведомства. Когда Линь Сю увидела на кушетке Ань Линжун, глаза её мгновенно покраснели. Она поспешно подошла и взяла дочь за руки, её голос дрожал:

— Дитя мое, наконец-то я вижу тебя.

Ань Линжун посмотрела на мать, чьи виски уже тронула седина, и почувствовала, как тепло разливается по сердцу, а к горлу подкатил ком. Она сжала руки матери и тихо произнесла:

— Мама, как хорошо, что ты приехала.

Линь Сю была внимательной и заботливой женщиной. Попав во дворец, она взяла на себя большую часть повседневных забот дочери. Зная, как тяжело Линжун дается беременность и как беспокойно та спит по ночам, она ночи напролет дежурила в боковой комнате, вставая при малейшем шорохе.

Лекарь Ван ежедневно дважды навещал дворец Яньси: утром для проверки пульса, а вечером для наблюдения за состоянием плода. Каждый раз при осмотре Линь Сю стояла рядом, дотошно расспрашивая о том, стабильно ли состояние ребенка и что нужно подготовить к родам. С присутствием матери тревога в сердце Ань Линжун заметно утихла.

Тем временем у Чжэнь Хуань срок беременности перевалил за четыре месяца, живот постепенно округлялся. В Беседку Осколков Нефрита, конечно, посылали подарки, но по милости императора она все же уступала дворцу Яньси.

Вести из внешнего мира давно просочились за стены дворца. За последние полгода Нянь Гэньяо одержал одну победу за другой на северо-западе, подавил множество восстаний и вернул несколько городов. В его руках была сосредоточена огромная военная мощь, и при

дворе чиновники наперебой старались ему угодить — даже Юнчжэн был вынужден считаться с ним. Но сердце императора больше всего страшилось тех, чья слава затмевает трон. Чем громче гремели военные успехи Нянь Гэньяо, тем сильнее становились подозрения и настороженность Юнчжэна.

В тот день после полудня небо затянуло, моросил мелкий холодный дождь. Ань Линжун полулежала на кушетке, слушая рассказы матери о родных краях. Цин Лань массировала ей поясницу, как вдруг Ань Линжун ощутила резкую тянущую боль внизу живота, и чашка в её руке с грохотом упала на пол.

— Госпожа! Что с вами? — Цин Лань поспешно поддержала её.

Лицо Линь Сю мгновенно изменилось. Она подхватила дочь под спину и испуганно спросила:

— Жун-эр, неужели началось?

— Быстрее... позовите повитуху и лекаря Вана... — на лбу Ань Линжун выступил холодный пот. Прикусив губу, она прошептала: — Я... я рожаю...

Во дворце Яньси началась суматоха. Бай Чжи помчалась за повитухой и лекарем, стражники тут же взяли дворец в кольцо, никого не впуская и не выпуская. Служанки принялись готовить горячую воду и чистые полотенца — всё это Ань Линжун приготовила заранее, так что паники не было.

Линь Сю, не отходя от дочери, крепко держала её за руку, вытирая пот и сдерживая слезы:

— Дитя, не бойся, я здесь. Повитуха скоро придет, все будет хорошо.

Весть немедленно дошла до дворца Янсинь. Юнчжэн, который в это время изучал документы, услышав, что у Ань Линжун начались роды, поспешно направился во дворец Яньси.

У дверей теплого покоя уже собрались наложницы и Императрица. Изнутри доносились крики повитухи: «Госпожа, тужьтесь!», а также сдавленные стоны боли Ань Линжун. Линь Сю, стоя у двери, металась из стороны в сторону, то и дело заглядывая внутрь.

Юнчжэн стоял снаружи, заложив руки за спину. Обычно сдержанный и величественный, сейчас он не находил себе места, расхаживая по галерее.

— Ваше Величество, может, вам лучше отдохнуть в соседней комнате? На улице зябко, — тихо предложила Императрица.

— Нет, — Юнчжэн покачал головой, не сводя глаз с двери, — я буду ждать здесь.

За свою жизнь у него было немало детей, но единственными, кто заставлял его так нервничать, были Чуньюань и Линжун. Он не только ждал рождения наследника, но и до смерти боялся, что роды будут тяжелыми и навредят ей.

Время шло. От полудня до сумерек, от сумерек до глубокой ночи. Свечи в покое горели всю ночь, стоны Ань Линжун то затихали, то возобновлялись. Лекарь Ван дежурил в соседнем помещении, готовый в любой момент прийти на помощь. Повитух сменяли дважды, горячую воду вносили и выносили — вода в тазах окрашивалась в ярко-красный цвет.

Линь Сю не сомкнула глаз, молясь богам о спасении дочери. Лишь на рассвете следующего дня, когда восток окрасился в жемчужно-серый цвет, пронзительный детский плач разорвал тишину Запретного города и достиг ушей Юнчжэна.

Повитуха выбежала с ребенком на руках, сияя от счастья, и упала на колени:

— Поздравляю Ваше Величество! Госпожа Вэнь благополучно родила принца! Мать и дитя здоровы! Маленький принц кричит громко, растет крепким!

Юнчжэн поспешно подошел, осторожно развернул пеленку и, взглянув на сморщенного малыша, который крепко сжимал кулачки и громко плакал, расплылся в улыбке:

— Хороший у меня сын! Наградить! Всем служащим дворца Яньси — жалованье за полгода! Повитухе — сто лянов золота!

Линь Сю, наконец, выдохнула. Ноги её подогнулись, и она едва не упала, опираясь на дверной косяк, и слезы неудержимо покатились по её щекам. Она лишь твердила:

— Хорошо, что все здоровы, хорошо, что все здоровы.

Император осторожно взял ребенка на руки, нарушив маньчжурскую традицию, по которой отцы не должны нянчить детей, и, не обращая внимания на недовольство Императрицы и Су Пэйшэна, вошел в покои.

Ань Линжун лежала на кровати, бледная, но с мягкой улыбкой на губах:

— Ваше Величество... я исполнила свой долг и родила вам принца.

— Ты много перенесла, Линжун, — Юнчжэн сел рядом и взял её холодную руку, в его глазах читалась бесконечная нежность. — Это моя вина, что тебе пришлось пройти через такие муки. Обещаю, я не обижу ни тебя, ни ребенка.

Он тут же громко приказал Су Пэйшэну:

— Объяви мою волю! Наложница Ань из рода Вэнь, кроткая и добродетельная, за свои заслуги в управлении гаремом и рождение шестого принца возводится в ранг Благородной супруги Вэнь! Присвоить ей дворец Юншоу и подготовить церемонию возведения! Ребенок мой,

Хунъюй, пусть растёт здоровым и умным, дарую ему тысячу лянов золота и сотню нефритов!

Остальные наложницы, стоявшие снаружи, отреагировали по-разному. Супруга Нянь чувствовала горечь, вспоминая своего утраченного ребенка. Чжэнь Хуань, стоя в стороне, с еще большей тревогой ожидала своего часа.

Когда поздравления утихли, Юнчжэн отослал всех прочь, оставив только Цин Лань и Бай Чжи. Он вернулся к кровати и осторожно положил ребенка рядом с матерью, нежно погладив младенца по пушку волос.

— У ребенка еще нет имени, — обратился он к Ань Линжун. — Ты его мать, скажи, какие знаки тебе по душе?

Ань Линжун слабо подняла руку, коснувшись щеки малыша:

— Вы — наш государь и отец, вам и решать. Я лишь молюсь, чтобы он прожил жизнь в мире и здравии, без бед и напастей.

Юнчжэн задумчиво произнес:

— У моих детей имена разные: Хунши глуповат, Хунчжоу непутев, Хунли прилежен, но в нем не хватает тепла. Этот ребенок — плод твоих страданий, я хочу, чтобы он рос прямодушным, сияющим, как солнце. Пусть будет Хунъюй. Что скажешь?

— Хунъюй... — Ань Линжун повторила имя, и её глаза наполнились слезами радости. — Прекрасное имя, благодарю вас, Ваше Величество. Юй означает свет, сияние, прославляющее наш род. Мне очень нравится.

— Раз тебе по душе, значит, так и будет, — улыбнулся Юнчжэн, целуя ребенка в лоб. — Хунъюй, пока я жив, я буду беречь тебя и твою мать.

В этот момент в покои вбежал запыхавшийся Су Пэйшэн:

— Ваше Величество! Срочное донесение с северо-запада! Генерал Нянь разбил основные силы джунгар, уничтожил десятки тысяч врагов и вернул все земли Цинхая! Полная победа!

Руки Юнчжэна, державшие ребенка, на мгновение замерли. В его глазах промелькнула радость, но тут же сменилась сложной смесью недоверия и страха. Нянь Гэньяо снова совершил великий подвиг, но теперь он стал еще опаснее — подобно острому мечу, висящему над тронном.

— Нянь Гэньяо оказал великую услугу, — сухо произнес император. — Передай мой указ: возвести его в ранг герцога первого класса, даровать титул Тайфу, наградить десятью тысячами лянов золота, а его сына, Нянь Фу, сделать бароном первого класса.

Ань Линжун, лежа на кровати, слушала эту новость. Она знала: чем выше взлет, тем большее падение. У Юнчжэна нет места тем, кто угрожает его власти. Это лишь временное поощрение. Как только северо-запад будет окончательно усмирен, придет и конец Нянь Гэньяо. Она погладила Хунъюя по щеке и едва заметно улыбнулась. Теперь у неё есть сын, и она проложит для него путь.

Через три дня после того, как весть о победе дошла до дворца, супруга Нянь была восстановлена в титуле Благородной супруги. Она была на пике влияния, но Ань Линжун лишь наблюдала за этим со стороны, сосредоточившись на сыне.

Спустя полмесяца Нянь Гэньяо вернулся в столицу. Его высокомерие достигло апогея: он не спешил перед дворцовыми воротами, а его солдаты вели себя как хозяева.

После утреннего доклада Юнчжэн остался наедине с Чжан Тинъюем. На столе горой лежали доносы на Нянь Гэньяо: взяточничество, превышение полномочий, создание клик.

— Он стал слишком опасен, — стучал пальцами по столу Юнчжэн. — Если оставить всё как есть, чья это будет страна — моя или его?

Чжан Тинъюй склонился:

— Ваше Величество, он слишком горд. Но у него в руках армия. Нападать сейчас опасно — может вспыхнуть бунт. Нужно действовать постепенно: лишать его союзников, отбирать полномочия, отрезать крылья.

— Я так и планировал, — кивнул император. — Действуй скрытно.

Тем временем во дворце Икунь Благородная супруга Нянь, опьяненная властью брата, тратила огромные суммы из казны клана Нянь, вызывая зависть и ненависть остальных. Ань Линжун, ведя затворнический образ жизни, лишь слушала доклады Цин Лань о том, как Нянь во дворце наказывает палками евнухов, и думала: «Пусть продолжает. Чем больше зла она творит, тем быстрее наступит день, когда её дерево, ставшее слишком высоким, будет вырвано с корнем самим Императором».

Во дворце Цзинжэнь Императрица И Сю холодно наблюдала за расстановкой сил в гареме. Она не получила опекуна над Третьим принцем, но у неё был свой план.

— Цзянь Цю, — тихо спросила она, — как там беременность Ван-пинь (Чжэнь Хуань)?

— Госпожа, у неё уже шестой месяц, — ответила та.

Императрица холодно улыбнулась. В этой игре выигрывает не тот, кто ярко блещет сейчас, а тот, кто держит в руках колыбель будущего императора.